Иван-солдат

Жил-был один солдат. Ему учение худо шло. Прежде били, мучили, стегали. Его все и бьют. Вот раз послали ночью караул держать. Зимой, холодно. Он стоял и призадумался. «Что же, — думает, — лучше сбежать мне, а то совсем убьют. А куда бежать? На родину, так споймают. Все равно и так помирать. Пойду шляться».

Вот он сумку снял свою и на ней написал: «Сума, служи сама», а на ружье написал: «Скажи капитану, я служить не стану». И побежал леском из городу. Бежал, в леса забежал. Двое суток шлялся голодом в лесу. Потом видит: стоит дом на одинке. В дом этот зайти страшно, а не зайти — того хуже. Он сейчас и зашел.

Дом хороший, изукрашенный, мебель, чисто все. А нет никого. Походил он из комнаты в комнату. Шкафы растворены, кушанья, все есть. Вот он поел порядком, вьшид водки, повеселился. Солнце закатилось уж. Он и лег на кровать. Слышит, дом потрясся. Что такое? Одна нога по коридору стучит.

Вдруг двери отворились, и заходит в комнату Головня черная. Головня проговорила русским языком: «Ты, Иван крестьянский сын, три ночи пролежи, а не убойся ничего. Я заколдованная царская дочь, а здесь был город губернский, заколдован тоже. Это все бугры заповедны. Ты всех спасти можешь. Что с тобой будут делать, ты голосу не подавай. Три ночи терпи — всех спасешь».

Тук-тук — Головня скрылась.

Он богу помолился, лег на кровать ниц. Бежит солдат — товарищ с того же полка: «Ты, Иван, здесь?» Тот молчит. «Тебя, — говорит, — разыскали, встань, беги», — говорит. Тот молчит. «Встань, — говорит, — добром, а то тебе плохо будет. Я за фельдфебелем пойду, он тебе шкуру снимет».

Тот лежит, головы не подымает. Тот сбегал будто за фельдфебелем.

Фельдфебель пришел: «А, солдат! Здесь?! — говорит. — Почему бежал, не являлся? Встань, — говорит, — солдат, прощаю за все, иди на старое место».

Он не встает.

Тот бился до утра здесь, он и голосу не подает. Заря занялась, они и скрылись, никого не стало. Солдат ниц лежит. Тут одна нога стучит. Головня идет. Головня заходит: «Встань, солдат, солнце высоко, не бойся никого».

Солдат встал. Видит, Головня до груди красавицей стала, а от грудей — черная головня. «Еще не убоишься, солдат, пролежишь, и буду я исцелена».

Стук-стук-стук: Головня ушла, где была.

Этот солдат встал, умылся, оделся, самовар наставил. Весной день долог, после водки напился, навеселился. Опять день спроводил. Вечер подошел, он на кровать ниц ложится. Ночь пала. Он слышит — пара коней прискакали, кареты приехали. Понаехал офицер с солдатами. Забежали в комнату: «А-а, он опять здесь. Встать!» Он ничего. «Встань, солдат, прощаю! Поедем на старое место, я тебе чин дам фельдфебеля. Бить больше не будем, притеснять». А он не встает. «Так, — говорит, — занести дюжину розог, да выдрать!»

Занесли пачку розог. Ему конаются: «Встань, простим все, поедем в старое место, стегать не будем».

Он весь дрожит, а молчит.

Тут они розги разрезали, хотят стегать. Нарядили палача стегать. Солдат лежит, ничего не говорит. Сейчас палач его заголил, хочет лупить. Он лежит, не шевелится. Как бить замахнули, заря занялась, они и скрылись.

И идет Головня, постукивает. Дверь растворила. Уж по колена девица-красавица. Только одни ноги заколдованы. «Ну, Иван крестьянский сын, одну еще ночку пролежишь, и я буду исцелена».

Стук-стук, и ушла.

Он встал, приумылся, приоделся, самовар поставил, день провел. Вечером опять таким же манером лег. Лег, перекрестился, на кроватку вниз, напружился.

Слышит, приехали три пары, на трех каретах народ. Приехал генерал, полковник, солдат войско. Забежали в комнату, кричат крепко: «Ты что, солдат, не встаешь! Встань, голубчик, все прощаем, в офицеры произведем, бери деньгу, забирай жалованье!» А он молчит. «Если не встанешь, строгое наказанье будет!» Тут и доктор умаливать: «Встань, солдат, лучше будет!»

Ему страшно, а Головню вспомнит, не шевелится. «Ну, — генерал кричит, — тащите шашку, сейчас голову отсекем!»

Слышит — сабля бренчит. Стали замахиваться — он лежит. Полковник говорит: «Сейчас твоя смерть будет!» Он молчит. «Ну, — рычит полковник, — рубите голову!»

Он слышит: махнули по голове, голова пала. «Руби по ногам!»

И нога отлетела. И потом руки отсекли и ноги кругом. Он думает: «Что же, — думает, — мне не больно?»

Стала заря заниматься. Все прочь побежали. Солнце поднялось. Вдруг двери растворились, зашла барышня-красавица, Цар ь-девица. «Встань, Иван, — говорит, — солнце высоко».

Он встал. Цел. Руки, ноги — все есть. Он на нее посмотрел, удивился: «Что так?» — была Головня, стала красавица! «Умойся, приоденься, в окно погляди».

Он умылся, поглядел в окно. Где бугры да лес, там образовался город губернский, народ ходит, торговля обширная. По городу ездят шпионы, расспрашивают, кто город спас. Она говорит: «Ты весь город спас и меня спас, будешь ты моим хозяином». Дает ему кольцо именное, волшебное. «Вот, — говорит, — наше обручение, только я еще заповедная, днем красавицей, а ночью черно платье одену, Головней стану. Ну, иди по городу посмотри».

Он пошел по городу смотреть, зашел в магазин, его спрашивают: «Ты кто такой, солдат, откудова?» — «Я не здешний». — «Не ты ли город спас?» — «Я», — говорит.

Они и не знают, чем его наградить. Дают ему злата и серебра, на царско место сажают и нигде ничего с него не берут.

Вот он неделю живет. Днем Царь-девица красавицей, а ночью головней. Он и заскучал: «Что ж она ночью головней?
Нать черно платье спалить, будет и ночью красавицей».

Он взял днем это платье и сожег в печке. Она вечером искать — нет платья. «Я, — говорит, — в печке сжег!» — «Теперь тебе меня не видать, пока через пески сыпучие не пройдешь, силу великую не заимеешь».

И улетела птицей горлицей.

Он и заскучал. И стал из города уходить. Синод говорит: «Мы тебе лучшую красавицу найдем!» А он говорит: «Я с той обрученный, ту и искать пойду».

Он и велел сковать сапоги железные, да шляпу железную, да посох железный. И ушел.

Шел-шел, сказка скоро сказывается, а он уже год в дороге. Идет через дремучие леса. Весь изорвался, весь издержался, а все за Царь-девицей правится. Дорога щебеньем, да горами, да темными лесами. Трудно ему, но назад на сытое царство не ворочается.

Вот три года шел. И дошел до высокой горы. За горой город стоит, а под горой река идет. Да река не из воды, а из сыпучего песка. И щельё велико, спуститься нельзя. Что тут делать? Он и думает: «Теперь я пропал, назад не выберусь и вперед не попасть». Стало вечереть. Вдруг налетела птица Моговей. По горе похаживает, траву пощипывает. Он взял склянку вина да и налил в озерцо. Птица пить начала, да и охмелела. Он не будь глуп, затаился, да крупным шагом подбежал и схватил птицу за шею. Она говорит: «На что ты меня поймал?» — «Я не бить, не мучить, а не можешь ли меня снести за песчаную реку?» — «Дай, — говорит, — мне прочухариться».

Он дал ей проспаться, протогодиться. Потом сел на нее, за шею вцепился. Она его и понесла и перебросила через речку. Он ее и отпустил. Пошел к городу. В худу-маленьку избушку зашел. Там старушке-вдовушке все рассказал. Вдовушка говорит: «Худо, — говорит, — ее трудно взять, за ней иностранные принцы сватаются. Да она мне крестница, может, ко мне в гости придет».

Он пока пошел в город. Ходит, смотрит, видит: богатырь Медный мертвым лежит, посреди улицы валяется. Он говорит: «Что ж такого славного богатыря по-людски не схороните?» — «Его схоронить — надо тысячу рублей».

Он взял вынул тысячу рублей. Устроил похороны хорошие. Потом вернулся к вдовушке. Попил, поел, лег отдыхать у окошка. О полночь «стук» в окно. Он вышел: видит, Медный богатырь на медном коне. «Иван, — говорит, — русский человек, я тебе свою силу дам. Пойдем ко мне в шатер».

Поехали в чистое поле. Увидали, шатер стоит. Сейчас коня привязали, в шатер зашли. Богатырь сделал угощение хорошее, и вот он говорит: «Вот,

Иван, силу мою выпей».

И дает ему стакан сильной воды. Он выпил и чувствовать силу великую в плечах стал. Богатырь вышел из шатра вон и коню говорит: «Конь мой, конь, да лошадь добрая, как мне служил, так Ивану послужи. Возьми, Иван, три волосинки: как потрясешь, конь перед тобой будет. А вон мои доспехи богатырские. Одень, принарядись, будешь рыцарь непобедимый».

Конь встал на коленки, со старым хозяином распростился. Нового хозяина поцеловал в темя, в голову, и убежал. А Иван сам пошел на старо место, лег на кровать, кровать шатается. Вдовушка встает, наставила самовар, а он спит. Она поглядела на него: «Как тебе поздоровело в нашем месте». — «Да, — говорит, — силы прибавилось».

На другой день он опять пошел по городу, видит: Серебряный богатырь на гноище валяется. «Это что ж, — говорит, — у вас экой богатырь без погребения валяется?» — «А он с Золотым бился, да друг друга забили. Его похоронить — нать две тысячи рублей!»

Он две тысячи вынул, Серебряного богатыря с честью похоронил.

Потом пошел на квартиру к себе, у окошка лег. Середка ночи «стук-стук» в окошко: «Встань, Иван крестьянский сын, выйди».

Он вышел, едет Серебряный богатырь на серебряном коне. «Едем, Иван русский человек, ко мне в шатер, я тебе свою силу дам».

Ну, поехали. В чисто поле приехали, стоит серебряный шатер. Богатырь его угостил, наливает серебряный стакан: «Выпей, Иван. Слышишь ли в себе что?» — «Слышу силу великую!» — «Ну, мой добрый конь, как мне служил, так новому хозяину послужи».

Конь старому хозяину в ноги поклонился, новому темя поцеловал. Иван к вдовушке пришел. Хотел спать лечь, кровать не несет. Он войлок на пол постелил да и лег. Утром вдовушка встает: «Ой, Иван, как тебя здоровеет!» — «Да, у меня силы прибавило».

Пошел он в город гулять. (Все Царь-девицу высматривает.) Видит: Золотой богатырь на сметнике валяется. «Что надо похоронить Золотого богатыря?» — «Надо пять тысяч рублей».

Он пять тысяч рублей вынул, его с честью похоронил.

Ночью едет Золотой богатырь: «Встань, Иван, иди мою силу пить!»

Привез его в шатер, накормил, дал ему силы выпить. «Носит ли земля тебя, Иван русский человек?» — «Земля подо мной колыбается», — «На-ка выпей слабой воды». Он выпил. «Носит ли земля тебя?» — «Носит», — говорит. «Ну, конь мой любимый, как меня слушался, так и нового хозяина».

Конь на коленки пал, старого хозяина поцеловал. Золотой богатырь говорит: «Ну, Иван, нашей силой управляй, а станет тебе мало, вспомни нас один раз, мы для тебя из могилы встанем», — «Ладно», — говорит.

Пошел Иван домой, а от его духу у вдовушки изба шатается. «Ну, поздоровел ты, Иван!» — «Да, во мне силы поприбавилось».

Вот вдовушка и говорит: «Твоя милая сюда сей день завернется. Я тебя спрячу на то время. Я разговор заведу, кто ее спас. А она если будет от тебя отпираться, ты выскочи, за волосья схвати и лупи. Она будет отвертываться, а ты ее комкай».

Ну вот, идет Царь-девица гулять по панели с няньками, с мамками. И зашли к бабушке. Та говорит: «Проходи, крестница, погостюй». (А его спрятала.) Она и речь завела: «Где ты три года пропадала, крестница?» — «Да, бабушка, пропадала я в таком-то городе. Была я за головню заколдована». — «А как ты спаслась?» — говорит. «Да меня один солдат спас». — «А ты не обещалась ему замуж идти?» — «Обещалась», — говорит. «И как был он здесь, пошла б за него замуж?» — «Да где, — говорит, — теперь за меня главный енерал сватается, а я за солдата пойду!» Он и выскочил: «Что ты, — говорит, — теперь попираешься!»

Схватил ее за желты косы, да начал бить, стегать. Она увертывалась змеей. Он ей секет, хобота ломает, топчет. Она львицей — он силой берет. Она тигрой, она и медведицей. Он все рвет, комкает, силой берет. Она и овернулась красавицей: «Ну, — говорит, — все у меня отбил, все коварства, буду теперь верная жена, приходи завтра свататься!»

Ну, хорошо. Утром он выстал, пошел свататься. Стали его расспрашивать, как отца звать, как мать, с какого города? Он нею правду рассказал, каким манером город спас и дочку. «Я, — говорит, — сделал ошибочку, мне не надо было ейно черно платье сжечь. Вот она от меня и улетела. Но я ее три года искал и нашел. И она дала мне заклятье, что замуж пойдет. И кольцо именное». Дочка говорит: «Да, папаша, правда». — «Царское слово назад не воротится».

Вот пирком, да стали обручаться, свадьбу играть. Только обвенчались, вдруг принц иностранный, что ее замуж брал, с войском пришел.

Иван вышел на крыльцо, крикнул сильным голосом. Бежит медный конь бодро. Иван оделся, приумылся и сел на медного коня. Сам в чужое войско заехал. Трубы заиграли, открыли огонь. Он на коне полетел и зачал войско бить. Бил-бил, всех прибил, конем притоптал. С победой обратно воротился. Король встречает его с честью, с радостью. Сделали пир на четыре дня. Вот сидят, пируют. Вдруг курьер прискакал, — говорит, что больше старого войско подошло.

Иван вышел в чисто поле, свистнул, прибежал серебряный конь. Иван сел, снарядился и рыцарем сделался. И отправился. Начал косить: где махнет — улица, где вздохнет — переулочек. Конь ученый зубами рвет, ногами топчет. Вот он все уничтожил, все войско разбил.

Вот встречают его с честью, с радостью. Сделали пир огромный. Пока пировали и столовали, прискакал курьер, привез эстафету — крепче старого войско идет!

Он вышел в чистое поле, свистнул: золотой конь бежит, земля дрожит. Он снарядился рыцарем богатым, напал на рать, зачал мять, косить, а их сила несметная. Тут он с ними пластался двое суток. Вот он устал, а они на него своего богатыря выслали. Они бьются, бьются, у Ивана члены ослабли. Устал. Ну, и думает: «Сейчас мне смерть!» И вспомнил про трех богатырей. И крикнул: «Медный, Серебряный, Золотой богатыри, на помочь Ивану крестьянскому сыну!»

Тут они из могилы встали и наехали. Стали бить, трепать, кони ногами бьют, зубами грызут. Всех победили, никого не оставили на семена. Всех притоптали, прикосили!

Вот вернулись обратно с победой. Он на золотом коне приехал.

Поставил коня к колодцу и лег отдыхать.

Он спал трое суточки, а потом сделал бал на неделечку. Пили, гуляли, что хотели. Король и говорит: «Я тебе все царство сдам. Царством управляй, а я на покой уйду».

Тут он и остался управлять.

Больше вся.

(Зап. от Я. Е. Гольчикова, 61 г., д. Лебская на Мезени.)

Сказки и предания Северного края. Запись, в ступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934.